

**Древняя Русь
в IX – XI веках:
КОНТЕКСТЫ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ**

**Ancient Rus'
in IX – XI Centuries:
Early Texts in Context**

ББК 63.3(2)411
УДК 94(47).02

Печатается по решению администрации Зимовниковского краеведческого музея

Ответственный редактор / Editor-in-Charge

Е.П. Токарева / Ye. P. Tokareva

Редакционная коллегия / Editorial board

А.В. Деев / A.V. Deyev

П.Н. Дубинская / P.N. Dubinskaya

В.Г. Лушин / V.G. Lushin

М.Г. Моисеенко / M.G. Moiseyenko

Адрес редакции / Address of the Publisher:

347461, Ростовская обл., пос. Зимовники, пер. Третьяковский, 105

Тел. / факс: (8 – 863 – 76) 3 – 31 – 98. E-mail: nmvmuz@yandex.ru

347461, Russia, Rostov region, Zimovniki, Tretyakovski lane, 105

Tel. / fax: (8 – 863 – 76) 3 – 31 – 98. E-mail: nmvmuz@yandex.ru

При цитировании ссылка на сборник «Древняя Русь в IX – XI веках: контексты летописных текстов» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без согласия редакции запрещено.

Ответственность за содержание статей несут авторы.

Д73

Древняя Русь в IX – XI веках: контексты летописных текстов / Отв. ред. Е.П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. – 148 с.

Ancient Rus' in IX – XI Centuries: Early Texts in Context / Ed. by Yelena Tokareva. Zimovniki: The Zimovniki Local History Museum, 2016. – 148 p.

ISBN 978-5-9909504-4-3

© Зимовниковский краеведческий музей / The Zimovniki Local History Museum, 2016

© А.В. Лушина (обложка) / A.V. Lushina (cover design), 2016

Содержание

<i>Виктор Лушин.</i> О некоторых особенностях датировки событий IX – начала XI вв. в «Повести временных лет»	4
<i>Виктор Лушин.</i> Рюрик	11
<i>Вадим Аристов.</i> «Война и Мир»: к вопросу о княжеском именовании X века	32
<i>Виктор Лушин.</i> Древнерусские князья-язычники: типология смерти	37
<i>Елена Токарева.</i> О происхождении сказания о «белгородском киселе»	42
<i>Елена Токарева.</i> «Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломанъ»	50
<i>Виктор Лушин.</i> Статьи 6508 – 6519 (1000 – 1011) гг. в «Повести временных лет»	57
<i>Александр Коптев.</i> Летописный рассказ о полянской дани хазарам и его истоки	64
<i>Виктор Лушин.</i> Ярослав и Мстислав	125
<i>Евгений Пчелов.</i> Почему княжеский съезд 1097 года состоялся в Любече?	141
Сведения об авторах	146
Список сокращений	147

Contents

<i>Viktor Lushin.</i> Dates of Russian history 9 th – 11 th centuries in the Primary Chronicle (Povest' vremennykh let)	4
<i>Viktor Lushin.</i> Prince Rurik	11
<i>Vadim Aristov.</i> “War and Peace”: to the question of princely naming in the 10 th century	32
<i>Viktor Lushin.</i> Old Russian Princes of Pagan era: the typology of death	37
<i>Yelena Tokareva.</i> To a question about the origins of Legend about Belgorod kissel	42
<i>Yelena Tokareva.</i> The wives and harems of the Prince Vladimir Svjatoslavich	50
<i>Viktor Lushin.</i> The articles 6508 – 6519 (1000 – 1011) years in the Primary Chronicle (Povest' vremennykh let)	57
<i>Alexander Koptev.</i> The origins of the story of the Poljanian tribute to the Khazars in the Primary Chronicle	64
<i>Viktor Lushin.</i> Yaroslav and Mstislav	125
<i>Yevgeniy Pchelov.</i> Why is the Congress of princes in 1097, it was held in Liubech?	141
Information about the Authors	146
List of abbreviations	147

Почему княжеский съезд 1097 года состоялся в Любече?

© 2016 г. *Евгений Пчелов*

В статье рассматривается вопрос о причинах выбора города Любеча в качестве места проведения первого княжеского съезда 1097 г. Автор приходит к выводу о символическом значении Любеча как места происхождения рода Рюриковичей по женской линии, что и обусловило его выбор для съезда князей.

Ключевые слова: княжеский съезд, Рюриковичи, генеалогия, Любеч.

Как известно, существовавшая на Руси традиция так называемых «княжеских съездов» берёт начало с княжеского съезда (снема), состоявшегося в Любече и датированного в Повести временных лет 6605 г. от РХ¹. Разумеется, князья встречались для решения определённых споров и до этого – так, в 1026 г. Ярослав Мудрый «створи мирь с братом своим Мьстиславомь у Городьця» [ПВЛ, с. 65]². Однако, именно в Любече впервые собралось сразу несколько князей, принадлежавших к разным ветвям разросшейся династии.

Известие о Любечском съезде открывает летописную статью 6605 года, традиционно понимаемого как мартовский 1097 / 1098 г., а поскольку последующие за съездом события датируются началом ноября 6605 г., съезд мог состояться в начале осени 1097 г. Приведём начало летописного известия: «Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдь Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдь Святославичъ, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на утроенье мира...» [там же, с. 109]. Таким образом, на съезде присутствовали представители всех к тому времени существовавших пяти ветвей потомков Ярослава Мудрого. Исследователи почти единодушно признают, что съезд состоялся в городе Любече на Днепре (исключения единичны и о них ниже). Возникает закономерный вопрос, почему для этого события был выбран именно город Любеч, а не какой-то другой?

По сообщению летописи, Святополк Изяславич и Владимир Мономах первоначально предполагали пригласить князей в Киев, т.е. в стольный град всей Руси: «Иди к брату своему Давыдови, и придета Киеву на столь отец наших и дедъ наших, яко то есть старейшей град въ земли во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положити» – обратились они к Олегу Святославичу [там же, с. 97]. Но из-за действий Олега, снем состоялся только в следующем году. Существенно, что в летописи объясняется, почему именно Киев должен был стать местом княжеского съезда – это стольный город «наших отцов и дедов», т.е. как бы общее родовое наследие. Обращение именно к идее родового

¹ О княжеских съездах в целом см.: Щавелёв А.С., 2006, с. 268 – 278. Автор, впрочем, полагает, что первым съездом можно считать встречу двух князей у Городца в 1026 г.

² Об этом событии в контексте вопроса о княжеских съездах см.: Щавелёв А.С., 2008, с. 68 – 77.

единства (по отцовской линии), воплощённого в конкретном городе, не кажется случайным. Однако съезд состоялся не в Киеве, а в Любече, находившемся к северу от Киева, вверх по Днепру.

Исследователи априори полагают, что Любеч относился в то время к Черниговскому княжеству и входил в родовые владения потомков Святослава Ярославича, т.е. его сыновей – Давыда и Олега. Иными словами, встреча состоялась на территории одной из сторон – Святославичей, причём стороны, явно приглашаемой на съезд (инициатива снema принадлежала, как мы помним, Святополку и Мономаху). Этот факт требует объяснения. Так, Б.А. Рыбаков полагал, что Олегу, которому и принадлежал Любеч, «было не зазорно» явиться на съезд именно туда [Рыбаков Б.А., 1993, с. 448] (незадолго до этого он демонстративно отказался от первого предложения Святополка и Мономаха приехать в Киев). Иными словами, находясь на своей земле, Олег не опасался каких-либо неожиданных действий со стороны того же Мономаха, причиной гибели сына которого он недавно стал. Эта точка зрения утвердилась в историографии.

На самом же деле источники не дают никаких оснований полагать, что в 1097 г. Любеч относился именно к территории Черниговского княжества. В летописи до 1097 г. Любеч отмечен всего несколько раз, причём безотносительно своей «земельной принадлежности». Как известно, это один из наиболее ранних по летописным сведениям городов Руси. Впервые он обозначен как важный город на Днепре (на «Пути из варяг в греки») под 882 г. в известии о походе Олега из Новгорода на юг – «и взя Любечь, и посади мужь свои» [ПВЛ, с. 14]. По мнению Д.С. Лихачёва, упоминание Любеча в статье под 882 г. является искусственной вставкой составителя «Повести временных лет», опиравшегося на сведения о договоре руси с греками 907 г. [Лихачёв Д.С., 1996, с. 408], ведь Любеч не назван в рассказе о походе Олега на Киев в Новгородской первой летописи, где, якобы, отразился так называемый Начальный свод.

Однако, суждение Д.С. Лихачёва представляется скорее умозрительной конструкцией, опирающейся исключительно на гипотетическую стемму протографов ПВЛ. Ведь в статье под 907 г. наряду с Киевом, Любечем и другими городами упомянуты также Чернигов (отсутствующий в описании ПВЛ подчинения Олегом славянских племён и городов) и Переяславль (основанный, судя по тексту той же ПВЛ, только при Владимире Святославиче). В числе других важнейших городов Руси Любеч упомянут и в статье под 907 г. о походе Олега на Византию [ПВЛ, с. 17]. Олег берёт с византийцев дань, в том числе, и для Любеча, где сидел некий подвластный Олегу великий князь. Значение Любеча в качестве важного торгового центра на Днепровском пути подчёркивается и его упоминанием в трактате «Об управлении Империей», где он фигурирует под названием Телиуца [Константин Багрянородный, 1989, с. 45, 313]. У Любеча в 1016 г. происходит битва между Ярославом и Святополком во время усобицы сыновей Владимира [ПВЛ, с. 62]. Наконец, родом из Любеча был основатель русского монашества Антоний Печерский [там же, с. 68]. Никаких сведений о принадлежности Любеча именно к уделу Святослава Ярославича, а следовательно и к Черниговскому княжеству, по крайней мере до 1097 г., в летописи не содержится. С таким же успехом можно полагать, что столь важный

днепровский город относился к территории Киевского княжества и, следовательно, в 1097 г. находился во владении Святополка Изяславича.

М.С. Грушевский, отмечая, что другие съезды при Святополке происходили недалеко от Киева, предположил, что Любечский съезд состоялся не в Любече, а неподалёку от Киева в районе озера Подлюбского [см.: Лихачёв Д.С., 1996, с. 534; Котляр Н.Ф., 1998, с. 230]. Но эта мысль, во-первых, не находит подтверждения в самом летописном тексте, где прямо указано название города – «Любч», во-вторых, не имеется данных о существовании какого бы то ни было населённого пункта рядом с озером с аналогичным названием. Поэтому мнение М.С. Грушевского можно считать неподтверждённой гипотезой. А.С. Щавелёв полагает, что Любеч был выбран как личное владение одного из князей, причём удалённое от основных городских центров концентрации элит, подобно местам проведения других княжеских съездов: «Чаще всего снемы проводились вне городских стен: 6 раз – в сёлах; 28 – в небольших городах (вроде Любеча, Витичева, Лутавы, Москвы). Все эти города принадлежат к малым городам Древней Руси. В крупных городах снемы проводились лишь ситуативно, по одному – пять раз (Владимир-Волынский, Перемышль, Минск, Новгород, Ростов, Чернигов, Переяславль)» [Щавелёв А.С., 2001, с. 147]. При согласии с общим выводом автора, нельзя всё же однозначно признать Любеч «малым городом» Руси. Напротив, в X – XI вв. он был достаточно крупным и значимым городским центром, хотя и не относился к числу стольных городов.

Итак, Любеч, бесспорно, был отдалён как от Киевского стола, так и от Черниговского, и от остальных городов, где находились княжеские столы участников съезда. Однако территориальная принадлежность Любеча остаётся под вопросом и, следовательно, не может сама по себе служить аргументом при объяснении выбора именно этого города в качестве места проведения снema.

Б.А. Рыбакову принадлежит ещё одно, важное наблюдение: «город Любеч, из которого вёл свой род Владимир I, был ... родовым гнездом всех русских князей» [Рыбаков Б.А., 1993, с. 448]. Эта мысль представляется чрезвычайно существенной для объяснения основной причины выбора Любеча в качестве места проведения съезда. Действительно, именно из Любеча происходили предки Владимира по матери. Летопись отмечает, что мать Владимира, ключница княгини Ольги, Малуша была дочерью некоего Малка Любечанина [ПВЛ, с. 33] (о том, кем был этот самый Малк, ничего неизвестно). Попытки отождествить Малка с древлянским князем Малом не выдерживают критики [см. подробнее: Поппэ А., 1974, с. 64 – 91].

Исходя из летописного сообщения о женитьбе Владимира на Рогнеде, можно полагать, что Малуша была рабыней (Рогнеда называет Владимира «робичичем»). Между тем, брат Малуши, Добрыня, выступает в качестве воеводы при Владимире в Новгороде ещё во времена Святослава. Как бы то ни было, происхождение деда Владимира по матери именно из Любеча непосредственно указывается в летописном тексте. Думается, что это прямо свидетельствует о том, что память о любечских корнях Владимира сохранялась и была значимой ещё в начале XII в., когда составлялась Повесть временных лет, зафиксировавшая имя деда Владимира, но не сохранившая более никаких сведений о нём.

Ни имя Малк, ни имя Малуша более не встречаются в роду потомков Владимира Святославича. Однако у Рюриковичей известно скандинавское имя Малмфрид (Малфредь) – так назвал одну из своих дочерей старший сын Владимира Мономаха, Мстислав Великий [Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., 2006, с. 246, 247] (судя по хронологии жизни Мстислава, она могла появиться на свет как раз на рубеже XI и XII вв.). Учитывая тот факт, что другую его дочь звали Рогнедой, вряд ли можно сомневаться, что прототипами обеих имён являлись некая Малфредь и княгиня Рогнеда, известие о смерти которых «Повесть временных лет» помещает в статью под 1000 годом [ПВЛ, с. 57]. Весьма любопытно, что это краткое известие – «Преставися Мальфредь. В се же лето преставися и Рогънедь, мати Ярославля» – объединяет оба имени в своеобразную пару. В кратких летописных сообщениях начала XI века (с 1000 по 1011 г.), где говорится преимущественно о смерти представителей княжеского рода, недаром видят следы какого-то помянника, возможно, ведшегося при киевской Десятинной церкви. Если это так, то этот текст (вошедший позднее также и в летопись) мог быть ещё актуален на рубеже XI – XII вв. Оттуда и могли черпать сведения древнерусские князья, в том числе и Мстислав Великий, определяя антропонимическую стратегию своей семьи. Рогнеда была матерью Ярослава и, следовательно, прародительницей всех последующих Рюриковичей.

О личности Малфреды летопись ничего не сообщает, но, судя по всему, она тоже должна была иметь непосредственное родственное отношение к Рюриковичам XI – XII вв. – вернее, также быть их прародительницей: именно поэтому предположение о том, что под Малфредью подразумевается мать Владимира, Малуша, не кажется столь уж невероятным [Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., 2006, с. 247 – 249; здесь и иные возможные варианты]. Во всяком случае, память о Малуше, матери Владимира, не названной по имени, сохранялась даже в Скандинавии – она упоминается в «Саге об Олаве Трюггвасоне».

Важным препятствием на пути отождествления Малуши с летописной Малфредью остаётся антропонимия. Получается, что у некоего уроженца (или жителя) Любеча по имени Малк была дочь, носившая скандинавское имя Малфредь (Малмфрид), и сын со славянским именем Добрыня. Однако нам неизвестны все особенности бытования антропонимов в такой зоне славяно-скандинавских контактов, какой была Русь X века. Присутствие скандинавов в Любече также более чем вероятно, учитывая местонахождение города на «Пути из варяг в греки». Таким образом, память о Малуше, а, значит, и Малке Любечанине, как прародителях княжеского рода была вполне актуальной во времена Любечского съезда. Вот почему предположение о выборе Любеча в качестве места съезда по причине именно некоего «родового, прародительского гнезда» представляется вполне допустимым.

Косвенным подтверждением этого предположения служат уже упомянутые слова летописи, вложенные в уста Святополка и Владимира, о Киеве. Съезд должен был установить единство княжеского рода, определить систему владения столами в Русской земле, считавшейся коллективным владением Рюриковичей. Киев мыслился как стол «отец наших и дедь наших» – т.е. общее наследие по мужской линии, и к тому же наследие старейшее, первым владельцем которого

из Рюриковичей был дед Владимира по отцу. Однако другие князья (и, прежде всего, Олег Святославич) не спешили приехать к Святополку и Владимиру, ведь это заведомо ставило бы их в неравное положение. Тогда-то и был выбран Любеч – другое родовое гнездо Рюриковичей, но по женской линии, откуда происходил другой дед Владимира, по матери. Как и Киев, этот город мог служить символическим воплощением родового единства, которое, казалось, и было достигнуто на съезде 1097 г. С одной стороны, это место было как бы «нейтральным», так как Любеч не был стольным городом ни для одного из князей, с другой стороны – объединяющем всех Рюриковичей общей родовой памятью. Если это так, то значение родства по женской линии (примеры чего можно наблюдать и в других случаях, в том числе и в антропонимике) в династии Рюриковичей ощущалось весьма высоко.

ЛИТЕРАТУРА

- Константин Багрянородный, 1989.* Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.
- Котляр Н.Ф., 1998.* Древнерусская государственность. СПб.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., 2006.* Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.
- Лихачев Д.С., 1996.* Комментарии // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, исправл. и дополн. СПб.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, исправл. и дополн. СПб., 1996.
- Поппэ А., 1974.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М.
- Рыбаков Б.А., 1993.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М.
- Щавелёв А.С., 2001.* Съезды князей в политической истории Древней Руси XI – первой четверти XIII вв. / Дипломная работа, выполненная на кафедре истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. Ломоносова. М.
- Щавелёв А.С., 2006.* Съезды князей как политический институт Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М.
- Щавелёв А.С., 2008.* К вопросу о первом съезде князей Рюриковичей // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Summary

The article discusses the reasons for choosing the city of Lyubech as the location of the first Congress of princes in 1097. Author comes to the conclusion about the symbolic meaning of Lyubech as places of origin of the Rurik dynasty through the female line, and that led to his selection for the Congress of princes.

Keywords: Congress of princes, Rurik, genealogy, Lyubech.